

Котляревский Нестор Александрович

Старинные портреты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Александрович К.**
Старинные портреты / Котляревский Нестор Александрович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 465 с.

ISBN 978-5-519-90747-7

ISBN 978-5-519-90747-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ составъ этой книги вошли статьи, написанныя въ разное время. Онѣ однородны по своему содержанію. Автору хотѣлось напомнить читателю о нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятеляхъ, недостаточно, какъ ему казалось, оцененныхъ во всемъ объемъ ихъ таланта или въ какомъ-нибудь частномъ проявленіи ихъ дарованія. Къ числу такихъ писателей могутъ быть отнесены Е. А. Баратынскій, Д. В. Веневитиновъ, В. Ө. Одоевскій, Тургеневъ какъ драматургъ и гр. А. К. Толстой. Всякая работа въ области ихъ творчества есть лишь уплата съ давнихъ лѣтъ накопившагося за нами долга.

Если къ этимъ именамъ авторъ присоединилъ имя В. Г. Бѣлинскаго, о которомъ такъ много было говорено и писано, то онѣ это сдѣлалъ потому, что смотрѣлъ на свою работу какъ на попытку подвести итогъ окончательнымъ выводамъ, къ какимъ пришла критика и наука въ оценкѣ дѣятельности Бѣлинскаго.

Перепечатка старыхъ, хотя бы и обновленныхъ статей представляетъ всегда много неудобствъ, изъ которыхъ наиболее ощутимы невозможность избѣжать повтореній и трудность придать журнальнымъ статьямъ, изслѣдованіямъ и рѣчамъ на случай однородную внѣшнюю форму.

Въ концѣ сборника читатель встрѣтится съ портретомъ одного лица, имя котораго едвали ему даже извѣстно. Бываютъ надежды, которыя смерть коситъ очень рано: къ числу такихъ надеждъ нашей науки принадлежалъ и покойный *Василій Петровичъ Преображенскій*. Авторъ глубоко убѣжденъ, что только безпощадная случайность не позволила этому человѣку занять цѣлую страницу въ исторіи развитія нашей философской мысли.

Оглавленіе

	СТРАН.
Е. А. Баратынскій	
Звѣзда разрозненной плеяды.	3
Д. В. Веневитиновъ	
Пушкинъ и Д. В. Веневитиновъ	75
Кн. В. Ѳ. Одоевскій	
„Русскія ночи“ . .	135
В. Г. Бѣлинскій	
Памяти Бѣлинскаго	157
И. С. Тургеневъ	
Тургеневъ драматургъ	259
Гр. А. К. Толстой	
Графъ А. К. Толстой и его время	275
Историческіе мотивы въ стихотвореніяхъ графа А. К. Толстого	311
Трилогія графа А. К. Толстого какъ національ- ная трагедія	343
Графъ А. К. Толстой какъ сатирикъ	362
Приложеніе	
Воспоминанія о В. П. Преображенскомъ . .	419

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ

БАРАТЫНСКІЙ

Звѣзда разрозненной Плеяды.

I.

Рѣдко кто умираетъ во-время. Есть раннія смерти, на самомъ порогѣ дѣла, въ преддверьѣ жизни--и такія смерти очень трагичны. Ими богата наша литература; но тѣ, кому пришлось хоронить Веневитинова, Лермонтова, Станкевича, Добролюбова, Писарева... могли все-таки умиротворить свою скорбь надеждой или вѣрой въ будущую жизнь--если не самого человѣка, то его идеаловъ. И самъ умирающій могъ найти утѣшеніе въ этой вѣрѣ. Умереть среди друзей и сознавать, что твоему „я“ дано если не безсмертіе, то по крайней мѣрѣ долгая жизнь въ сердцахъ и дѣяніяхъ ближнихъ--одно изъ великихъ, хотя бы и призрачныхъ утѣшеній, которыми скрашивается страшная тайна смерти.

Она страшнѣе для тѣхъ, кто говоритъ свое послѣднее убѣжденное слово и не видитъ вокругъ себя никого, кто принялъ бы это слово изъ его устъ... Такая печаль о близкой или уже наступившей смерти дорогихъ убѣждений и настроеній тягостнѣе страха передъ собственнымъ конечнымъ исчезновеніемъ изъ міра. Привѣтствовать новыя^е грядущія поколѣнія и въ этомъ привѣтствіи хоронить самого себя--мужественно и благородно, но тяжело и грустно.

Е. А. Баратынскій--одинъ изъ тѣхъ, кому пришлось выстрадать такую грусть.

Въ ряду поэтовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ Баратынскому принадлежитъ почетное мѣсто, которое за нимъ признали и современники, и потомство. Пушкинъ любилъ его музу; его цѣнилъ Гоголь; Бѣлинскій считался съ нимъ какъ съ силой, съ которой онъ спорилъ, но которую въ то же время и уважалъ.

И эта сила еще въ полномъ своемъ цвѣту почувствовала себя одинокой и лишней.

Пушкинъ умеръ рано. Почти всѣ его сверстники его пережили. Съ его смертью осиротѣлъ ихъ кружокъ. Новые люди стали тѣсниться вокругъ нихъ, и русская жизнь, правда, сохраняя неизмѣннымъ свой внѣшній обликъ, начала мѣнять свое внутреннее содержаніе, и ждала новыхъ пѣсень. Людямъ двадцатыхъ годовъ, отживающимъ свой вѣкъ, пришлось считаться новыми людьми и новыми вкусами, и каждый изъ нихъ счелся по своему съ этимъ напоминаніемъ о смерти. Кто встрѣтилъ это „новое“ язвительною насмѣшкой и дидактической проповѣдью, какъ напр., кн. Вяземскій; кто растерялся какъ Языковъ, не зная, куда приложить силу своего вдохновенія, которое такъ легко находило себѣ пищу и мѣсто въ былые годы; кто, наконецъ, какъ Баратынскій, сталъ скорбѣть и гнѣваться на то, что новизна жизни не укладывалась въ старыя художественныя рамки и даже надъ ними глумилась. Будь Пушкинъ живъ, онъ вѣроятно нашелъ бы богатые слова и мысли, чтобы воспѣть этотъ закатъ своего поколѣнія; но Пушкинъ смолкъ рано, и сумерки жизни окутали его друзей безъ него, предоставивъ имъ, слабымъ по духу, произнести надъ собой надгробное слово. Самыя художественныя пѣсни Баратынскаго были такимъ похороннымъ пѣньемъ, и въ этомъ ихъ историческое значеніе.

II.

Жизнь русскихъ художниковъ слова вообще бѣдна событіями и монотонна въ своемъ движеніи. Тотъ, кто при-

выкъ встрѣчать своихъ героевъ не только въ литературномъ обществѣ или за письменнымъ столомъ, но и дѣйствующими на широкой общественной аренѣ,—тотъ мало вынесетъ впечатлѣній изъ жизнеописаній писателей русскихъ,—гдѣ отъ первой страницы до послѣдней онъ будетъ имѣть дѣло почти исключительно съ кабинетнымъ человѣкомъ. Правда, этотъ труженикъ мысли и вдохновенія будетъ радоваться или сердиться, созерцая мимо него плетущуюся жизнь, но въ сущности чтó ей до его слезъ умиленія или до его разлившейся желчи? Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда желчь всего сильнѣе разлилась у писателей, жизнь и тогда еле прислушивалась къ ихъ голосамъ и, конечно, еще меньше считалась съ ними раньше, когда они въ ея честь сыпали цвѣтами поэзіи.

Эта особенность русской жизни, сразу ставящая писателя или публициста на очень большое отдаленіе, конечно, не могла не оказать своего вліянія на ихъ творчество. Но даже предполагая, что эта особенность для творчества ихъ и прошла безслѣдно, ему не помѣшала,—на ихъ біографію она безспорно наложила печать однообразія. Если не считать исключительныхъ случаевъ,—жизней, полныхъ опасной борьбы, мученій и гоненій, то въ общемъ біографія нашихъ писателей—разсказъ монотонный.

Въ дѣтствѣ дворянская усадьба, затерявшаяся гдѣ-нибудь въ глуши Россіи, или домъ священника, а иногда и просто деревенская хата, затѣмъ какой-нибудь благородный пансіонъ въ Петербургѣ или Москвѣ, а иногда семинарія или городское училище, потомъ университетъ или академія—вотъ чтó можетъ вспомнить русскій писатель о первой порѣ своей жизни. Воспоминанія эти, для нѣкоторыхъ веселыя, для другихъ печальныя, спокойны и почти всегда мало содержательны, если принять во вниманіе, какъ патріархально-глухо текла, въ особенности въ былые годы, русская жизнь не только въ деревнѣ, но и въ благородныхъ пансіонахъ и университетахъ. Далѣе судьба нашихъ писателей извѣстна: быть

можетъ рядъ заботъ по службѣ, заботъ формальныхъ, скучныхъ и педантичныхъ, которыя всегда идутъ въ разрѣзъ съ темпераментомъ художника, затѣмъ хотя и болѣе живые, но также однообразныя заботы семейныя, и впереди всего, на первомъ планѣ, писательское дѣло, т.-е. возня съ редакціями, съ цензурой, еще болѣе возня съ своеобразными критиками, и все это затѣмъ, чтобы придти къ выводу, что и десятой доли не сказалъ того, что хотѣлъ сказать, и что даже и на эту десятую долю не обратили должнаго вниманія. Такъ до могилы тянется эта монотонная жизнь, гдѣ минуты вдохновенія однѣ сами по себѣ должны искупить всю тяготу существованія, и гдѣ развѣ только завязавшаяся журнальная перестрѣлка вноситъ неинтересное разнообразіе. Кончается эта жизнь писателя пожеланіемъ ему на кладбищѣ вѣчнаго покоя, т.-е. того, что при жизни онъ такъ ненавидѣлъ.

Ничего любопытнаго не представляетъ собой и біографія Баратынскаго.

Родился Евгеній Абрамовичъ вмѣстѣ съ нашимъ столѣтіемъ, въ 1800 году, 19-го февраля, въ имѣніи своего отца, Вяжлѣ, тамбовской губерніи, и здѣсь прожилъ онъ все свое дѣтство, пока на восьмомъ году не попалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ сначала въ нѣмецкій пансіонъ, а затѣмъ, спустя очень короткій срокъ, въ пажескій корпусъ. За безсознательно совершенный проступокъ онъ изъ корпуса былъ исключенъ [1815], какъ говорится, съ волчьимъ паспортомъ, безъ права опредѣленія на службу. Три года послѣ этого несчастія поэтъ прожилъ въ тамбовской, затѣмъ въ смоленской губерніи, а въ 1818 году мы встрѣчаемъ его снова въ Петербургѣ простымъ рядовымъ егерскаго полка. Этотъ рядовой сводитъ знакомство съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, и въ ихъ кругу впервые начинаетъ лепетать его муза. Отъ лепета она очень быстро переходитъ къ связной и красивой рѣчи.

Въ періодъ отъ 1820-го по 1824-й годъ, нашъ поэтъ—уже унтеръ-офицеръ нейшлотскаго полка, квартирующаго въ